

БРЕННЫЙ АНГЕЛ

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ

Родился в Москве, студент-журналист первого курса магистратуры МПГУ. Ведущий подкаста «АВТОРизация» о современных писателях-фантастах, внештатный

автор радио «Нига» и блога «ЛитРес: Самиздат». Сценарист, монтажер и динтор радиопроентов на студенческой медиаплощадке «Пульс», независимый автор художественных тенстов.

За окном – март, противный, московский, когда не поймешь: весна, все еще зима или уже осень? Снег сыпет мелкой крошкой, такси, шумя – белые, желтые, – хлюпают по грязной воде, в которой словно радостные школьники ополоснули черные кисточки после урока изо. Школьники, кстати, и сейчас радостные: эти, поближе, играют в снежки, те, в стороне, прыгают по лужам, а вдалеке ребята постарше гоняют на стареньких белых «Жигулях» с надписью «Отвалите» на заднем стекле. Ну, грубее, конечно. Гоняют без прав – знаю их, десятый класс, двое живут в соседних квартирах, этажом выше и ниже; кровь кипит, хочется новых, острых ощущений, таких, чтобы голову сносило, вот и страдают ерундой, и ведь даже осудить не получится – сами такими были. Без «Жигулей», правда. Но дурусти хватало.

Сижу у подоконника, греюсь у батареи – все никак не куплю штаны, хожу в коротких пижамных шортах, темно-синих с золотистыми звездами, бесформенных, зато мягких. Принимаюсь: запах стоит странный, тошнотворный, горло першит... Накурено. Удивляюсь: как же так?! И замечаю в руках сигарету, в пепельнице – еще два окурка; это что, получается, я выкурила всю эту гадость?! Как странно, последний раз курила, когда окончила школу, на радостях, что наконец-то начнется новая, полная счастья жизнь; думала, проснусь – и,

как Блок, стану знаменитой, а весь мир зальет солнечным светом, мягким, золотистым, и так его будет много, что даже на хмурую дождливую осень хватит, как солнечного кофе или чая с ягодами. Останется только привесить на дерево картонное солнце, размалеванное желтой краской.

Еще пахнет горелым. На плите – большая кастрюля, в ней потрескивает попкорн, зерна лопаются, взрываются; купила, поддавшись порыву, и готовлю, как в детстве, пока родители не видят. Кажется: вот-вот придут подружки есть попкорн с клубничным мороженым – все его любили, розовое ведь, – смотреть телевизор – включали обязательно СТС – и сплетничать. Сейчас никто, правда, не придет. Мысли – вот лучшие друзья девушек. И лучшие подружки. И вообще... и вообще, порция явно выйдет неудачной, горелой, но вставать лень – хочется насладиться моментом. Делаю глоток красного вина. Сижу, курю, жду попкорн, пью вино – купила в супермаркете: стены белые, пористые, в черных наскальных рисунках-граффити. Стояла, выбирала, рассматривая нижние полки через металлические прутья чужой тележки, которую так и не забрали; дивилась ценам, в итоге взяла самое дорогое, три тысячи за бутылку. Подумала: такое точно выращено в личных рощах бога Диониса, сделано из колхидского винограда, корнями пившего кровь храбрых аргон-

навтов и подслащивавшего ее обещаниями героического бессмертия, сияющей Вальхаллы, – хотя при чем тут вообще Вальхалла? Мысли – лучшие подружки девушек. Они же – главные враги; подводят, путают. И сколько вина-то выпила? Меньше бокала. На вкус как драконьи слезы – каким еще быть вину из Колхиды, оказавшемуся серым мартом под московским небом, где у Солнца, всевидящего ока бога – Ра? Одина? да к чему вспоминаю их? – нет власти?

Сiju, курю – четвертая сигарета, жду попкорн, пью красное колхидское вино и почему-то грущу. Перекидываю ногу на ногу, как Шерон Стоун; понимаю – с такими шортами надо соблазнять мужчин, а не сидеть в четырех стенах с заплаканными глазами.

Улыбаюсь – натужно, будто выдавая дежурную рабочую улыбку, хотя улыбка – для самой себя. Но все еще грущу. И с чего бы?

А. Точно же. Сегодня уволили.

Вернее, как уволили: сама не выдержала, пришла, плюхнула заявление, измазанное густой гелиевой ручкой, начальнику – всегда носит ярко-красные галстуки набекрень – и тихо ушла, пока начальник сидел в недоумении, как аскет, не нашедший в божественном откровении ничего, кроме молчаливой пустоты и тяжести столетий. Наверняка возмущался потом – не аскет, начальник, – говорил: сотрудник года, и уйти вот так, почти по-английски?! Скандалами я, правда, никогда не отличалась – еще первый парень говорил. Познакомились на первом курсе филфака, целовались на заброшках после лекций о богах и героях, о драматургах и комедиантах, смешно вспоминать. Глупые какие были! Как эти школьники, все еще тархтящие своими белыми «Жигулями» под окнами. Может, потому мужчины ко мне и тянулись, как растения к свету – тому самому, мягкому, золотистому... Тянулись, тянулись, а все не дотягивались – как вновь не дотянулись вчера, утром, вместо будильника, вместо кофе постель, вместо ласкового, до мурашек пробирающего «доброе утро» на ухо. Может, так и должно быть? Тянулись, тянулись, а все не дотягивались – не к чему. Свет, похоже, погас уже к первой студенческой осени. Видимо, насовсем. Остались дурные отголоски, приторные миражи и засохший белый венчик счастья из роз на голове.

Уволилась, взяла кофе – дешевый, дрянной, специально, чтобы жизнь сказкой не казалась, – и разревелась. Думала, станет легче, но нет – умерла, не телом, руками-ногами, а душой, будто

сердце обледело и треснуло, будто подрезали крылья. Непонятно какие: ангела, черта или древнего духа. Не одно ли и то же?

Работа, теперь уже не есть, *была*, любимая; зарплата достойная; коллеги замечательные; начальник, кроме этих его галстуков, тоже – ни разу не накричал, не нагрубил, не бросил похотливый взгляд, хотя мужчины из соседних департаментов грешили: может, тоже тянулись к затающему к свету или к вещам более очевидным и округлым?

Хорошо было. Но все равно каждый раз, возвращаясь в уютную съемную квартиру с лимонно-желтыми шторами, куда хозяйка даже с животными разрешала – возвращаясь уже три года! – чувствовала: что-то не так. Особенно когда без сил вваливалась теплыми летними вечерами: засиживалась на работе, пила кофе с коллегами или коктейли с подружками, все с теми же, только уже без мультиков по СТС, зато все еще – со сплетнями. И где подруги теперь?

Точно. Занимаются делами. Строят жизни, архитекторы – архитекторки? – судеб. Со мной – только мысли.

Кофе на работе не допила; заперлась в дамском туалете, пустила воду, хотела кричать – никого рядом, – побоялась, что зеркала треснут. Внутри так бушевал арктический шторм, что, казалось, закричи – и разбудишь спящих вечным сном на дне холодного океана памяти чудовищ, оглушишь белых китов последних надежд. Пока ехала домой, взяла себя в руки; вино, попкорн и сигареты покупала с серьезным видом бизнес-леди, уверенной в себе, даже губы перед кассой покрасила, помада – темно-фиолетовая, полюбила такую еще со школы, увидела на страницах журнала, одного из тех, что тогда вместе со жвачкой покупали в киоске у тучной рыжей тетки на сдачу. Вошла в родной двор: снег и вода, вишни – сейчас голые, корявые, весной – витиеватые, белоснежные.

Снова разревелась. На этот раз, кажется, кричала. Еле нащупала ключи, на лестнице столкнулась с не пойми кем, услышала только неразборчивое: «Что с тобой, мой ангел? Тебе подрезали крылья?»; лишь дома, трижды умывшись холодной водой, посмотрев в зеркало на заплаканное лицо – сперва показалось, чужое, – поняла наконец, что наткнулась на местного старого волшебника, счастливого человека с огромными незримиными крыльями – так все про него говорили.

Сiju, курю – все еще четвертая сигарета, жду попкорн, пью красное колхидское вино, грущу по

исчезнувшему счастью. И чему удивляюсь? Больно. Конечно, больно, когда двигаются тектонические плиты души.

В окно вдруг настойчиво бьется белый голубь, будто не понимает, глупый. Закашливаюсь, расплескиваю вино на шорты, чуть не роняю сигарету; чему опять удивляюсь? Голубятня рядом, в десяти минутах ходьбы, а хозяин там – тот самый настоящий волшебник, седой загорелый старичок, вечно шутящий, что слишком много в юности отправлялся в командировки на юга, вот загар никак не сойдет. Под Новый год наряжается Дедом Морозом, получается вылитый, говорит, ради такого даже стоило отъесть пузо, жаль, сетует, борода плохо растет; ходит по домам бесплатно, детям раздает конфеты, взамен только иногда просит угостить печеньем – говорит, надо держаться в форме до следующего Нового года. На Восьмое марта всем соседкам – живет тут же, на последнем этаже, – дарит тюльпаны, год за годом чередует цвета: красные, желтые, синие, фиолетовые, однажды достал даже черные, тогда они были большой редкостью; сам радовался сильнее женщин: добыл, смеялся, ведь добыл! Настоящий волшебник, счастливый человек с огромными незримиными крыльями давно выращивает белоснежных, как перины сказочных королей, голубей – с тех пор, как умерла жена; уже десять лет прошло. Честно рассказывал – думал, не выдержит; никогда не пил, но ночью просыпался в холодном поту – снилось, что давится водкой и вешается. Думал, может, это знак судьбы? И уже почти решился, когда привычный кошмар сменил сон с голубем.

Говорит, голуби – маленькие ангелы.

И так светится счастьем на этих словах его полное, загорелое лицо, что сразу понимаешь: верит, да так сильно, что у самого за спиной – все говорят, не врут! – незриминые крылья. Счастливый человек с огромными незримиными крыльями...

Тушу сигарету, хотя ее еще курить и курить. Машу руками, пытаюсь развеять дым – словно стыдно перед седым волшебником. Все же выключаю конфорку, подхожу к окну; сама не понимая почему, открываю. Голубь так и сидит на подоконнике, смотрит непонимающе.

– Ну что ты прилетел, ангел? – говорю ему.

Голубь все же пользуется приглашением. Садится на подоконник, укоризненно изучает окурки – не дергается, когда начинаю его гладить. Потом надо помыть руки, но потом, сейчас – хо-рошо. Просто. Без лишних слов. Хо-ро-шо.

Отвлекаюсь – соседи сверху что-то уронили; наверное, парни, гонявшие на «Жигулях», вернулись, пытаются сварить пельмени или полезли на антресоли и ненароком свалили коробки, забытые барахлом? Да какая разница? Когда отворачиваюсь, голубя уже нет – как странно... Неужели допилась? Да нет, окно-то открыто, дует, холодно. Смотрю на вино, попкорн, сигареты – вдруг чувствую гнилое отвращение к себе, даже не к себе целиком, а к какой-то теневой, неизученной части себя, куда не ведут тропки, где сплошь – злые серые волки; и следом, стремительно, ощущаю сладкую любовь ко всему миру, с его дурацкими пакостями, судьбоносными мелочами и несбывшимися мечтами.

Вижу, как заходит вдруг солнце – никакого снега, на улице – словно май, пахнет цветущими вишнями, они растут во дворе сколько себя помню, всегда жила в этом районе, только квартира была другая, родительская; небо вдруг стало голубым – когда успело? – а солнце, заходящее за горизонт, сплошь шар мягко-золотистого света...

Высовываюсь из окна. Делаю глубокий вдох... взлетаю... машу подрезанными крыльями...

Не падаю.

Дети, прыгающие по лужам во дворе, бабушки с собаками и мужчины с тяжелыми пакетами, женщины с колясками и одинокие дедушки, докуривающие сигареты, – все, как один, мечтающие о теплой весне, о красочных закатах, о цветущих во дворе вишнях и иссиня-черных ночах, таких, когда уже давно за полночь, а воздух – густой, теплый, пьянящий, как колхидское вино, гуляй не хочу. Все они, эти дети, и бабушки, и мужчины, и женщины, и дедушки, вдруг задирают головы и видят, удивленно охая и присвистывая, как с подоконника срывается белый голубь, посланник старого волшебника, а следом, словно сотканная из белогривых облаков тень, вспархивает сущий ангел, с маленькими, прекрасными, позолоченными и отчего-то подрезанными крыльями. Ангел взлетает, несясь, возможно, в дали, где всегда идет дождь, или туда, где за северным бореем светит непобедимое солнце; неважно, в какую из возможных вероятностей – или невозможных невероятностей? – но в те места, где счастье – как тополиный пух в июльскую жару: плотное, обыденное, и нет ему конца.

...Ангел взлетает – и двор расцветает ароматом белоснежных вишен.